

"РОССИЯ, РУСЬ! Храни себя, храни!"

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЭТИЧЕСКАЯ КОМПОЗИЦИЯ
О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ НИКОЛАЯ РУБЦОВА

*До конца,
До тихого креста
Пусть душа
Останется чиста!*

Н. Рубцов

ПЕРВЫЙ ЧТЕЦ: Из воспоминаний Станислава Куняева: "С Тверского бульвара в низкое окно врвались людские голоса, лязганье троллейбусных дуг, шум проносящихся к Никитским воротам машин. В Литинституте шли приемные экзамены, и все абитуриенты по пути в Дом Герцена заглядывали ко мне с надеждой на чудо. Человек по десять в день. Так что настроение у меня было скверное... Заскрипела дверь. В комнату осторожно вошел молодой человек с худым, костистым лицом, на котором выделялись большой лоб с залысинами и глубоко запавшие глаза. На нем была грязноватая белая рубашка, выглаженные брюки пузырились на коленях. Обут он был в дешевые сандалии. С первого взгляда видно было, что жизнь помотала его изрядно и что, конечно же, он держит в руках смятый рулончик стихов.

— Здравствуйте, — сказал он робко. — Я стихи хочу вам показать. Молодой человек протянул мне странички, где на слепой машинке были напечатаны одно за

другим вплотную — опытные авторы так не печатают — его вирши. Я начал читать..

Взбегу на холм и упаду в траву.
И древностью повеет вдруг из дола!
И вдруг картины грозного раздора
Я в этот миг увижу наяву...
Россия, Русь — куда я ни взгляну!
За все твои страдания и битвы
Люблю твою, Россия, старину,
Твои леса, погосты и молитвы...
Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри, опять в леса твои и долы
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времен татары и монголы.
Они несут на флагах черный крест.
Они крестами небо закрестили,
И не леса мне видятся окрест,
А лес крестов в окрестностях России.
Кресты, кресты...
Я больше не могу!

Я резко отниму от глаз ладони
И друг увижу: смирно на лугу
Траву жуют стреноженные кони.
Заржут они — и где-то у осин
Подхватит эхо медленное ржанье,
И надо мной —

бессмертных звезд Руси,
Спокойных звезд безбрежное мерцанье...

“Видение на холме”

— Я оторвал от рукописи лицо, и наши взгляды встретились. Его глубоко запавшие махонькие глазки смотрели на меня пылливо и настороженно.

— Как вас звать?

— Николай Михайлович Рубцов”.

ВТОРОЙ ЧТЕЦ: Из воспоминаний Г. Горбовского: “Николай Рубцов — поэт долгожданный. Блок и Есенин были последними, кто очаровал читающий мир поэзией — не придуманной, органической... Время от времени в огромном хоре советской поэзии звучали голоса яркие, неповторимые. И все же — хотелось Рубцова. Требовалось. Кислородное голодание без его стихов — надвигалось. Долгожданный поэт... Но... не секрет, что многие даже из общавшихся с Николаем узнали о нем как о большом поэте уже после его смерти...”

Прикоснуться к строкам Рубцова — значит прикоснуться к чему-то светлому и доброму.

ПЕРВЫЙ ЧТЕЦ:

Меж болотных стволов красовался восток
огнеликий...

Вот наступит октябрь — и покажутся вдруг журавли!
И разбудят меня, позовут журавлиные крики
Над моим чердаком, над болотом, забытым вдали...
Широко по Руси предназначенный срок увяданья
Возвещают они, как сказание древних страниц.
Все, что есть на душе, до конца выражает рыданье
И высокий полет этих гордых прославленных птиц.
Широко на Руси машут птицам согласные руки.
И забытость болот, и утраты знобящих полей —
Это выразят все, как сказанье, небесные звуки,
Далеко разгласит улетающий плач журавлей...
Вот летят, вот летят... Отворите скорее ворота!
Выходите скорей, чтоб взглянуть на высоких своих!
Вот замолкли — и вновь сиротеет душа и природа
Оттого, что — молчи! — так никто уж не выразит их...

“Журавли”

ВТОРОЙ ЧТЕЦ: Задумываясь над первоистоками этой красоты, унесемся в Беломорье — край суровый, богатый сказками, преданиями, легендами. Здесь, в селе Емецк Архангельской области, 3 января 1936 года родился Николай Рубцов.

Рубцов рано остался сиротой... Мать умерла. Отец ушел на фронт. Сохранились мемуарные записи, которые сделал Рубцов в последние годы жизни. “Шел первый год войны. Моя мать лежала в больнице. Старшая сестра поднималась задолго до рассвета, целыми днями стояла в очередях за хлебом, а я после бомбежек с большим увле-

чением искал во дворе осколки, и если находил, то гордился ими и хвастался. Часто я уходил в безлюдную глубину сада возле нашего дома, где полюбился мне один удивительно красивый алый цветок. Я трогал его, поливал и ухаживал за ним, всячески, как только умел. Об этом моем занятии знал только мой брат, который был на несколько лет старше меня. Однажды он пришел ко мне в сад и сказал: "Пойдем в кино". "Какое кино?" — спросил я. "Золотой ключик", — ответил он. Мы посмотрели кино "Золотой ключик", в котором было так много интересного, и, счастливые, возвращались домой. Возле калитки нашего дома нас остановила соседка и сказала: "А ваша мама умерла". У нее на глазах появились слезы. Брат мой заплакал тоже и сказал мне, чтобы я шел домой. Я ничего не понял тогда, что такое случилось, но сердце мое содрогнулось, и теперь часто вспоминаю я кино "Золотой ключик", тот аленький цветок и соседку, которая сказала: "А ваша мама умерла".

... Этот цветочек маленький
Как я любил и прятал!
Нежил его, — вот маменька
Будет подарку рада!

Кстати его, не кстати ли,
Вырастить все же смог...
Нес я за гробом матери
Аленький свой цветок.

ПЕРВЫЙ ЧТЕЦ: Детство кончилось. До боли жалко шестилетнего мальчика Колю, его братьев и сестер, оставшихся без отца и матери... Много позже в одной из автобиографий Рубцов напишет: "Детство прошло в сельском детском доме над рекой Толшмой — глубоко в Вологодской области".

ВТОРОЙ ЧТЕЦ: Никольское он всегда считал своей родиной. Здесь он окончил семилетку. И отправился в лесотехнический техникум. Учился он в нескольких техникумах, но ни одного не закончил.

Мальчишкой, не видевшим моря, бредил им. Мечта привела его, 16-летнего, в Архангельск, где он попал кочегаром на рыболовецкое судно. Манили и большие города. В 1955 году он уже работает в Ленинграде, отсюда на четыре года уходит служить во флот. Здесь начинает писать и печататься во флотских изданиях.

Как я рвался на море!
Бросил дом безрассудно
И в моряцкой конторе
Все просился на судно...

ПЕРВЫЙ ЧТЕЦ: Экстерном закончив вечернюю школу в Ленинграде, Рубцов приезжает в Москву. Утверждение поэтических представлений поэта и его взглядов на жизнь происходит уже в Москве, в пору учебы в Литинституте имени М. Горького. В Литинститут Рубцов пришел с немалым багажом жизненных впечатлений и, главное, со своим творческим голосом.

ВТОРОЙ ЧТЕЦ: Из воспоминаний Сергея Викулова: "На творческий конкурс Литинститута Рубцов предста-

вил самодельную книжку “Волны и скалы...”. Но те, кто потом стал учить Рубцова, вероятно, не сразу поняли, что перед ними — не просто талант, а почти сформировавшийся поэт... К своим двадцати шести годам прошедший, как говорят, огонь и воду, познавший не только (а вернее, не столько) верхние, просторные и светлые этажи жизни, но и ее глухие подвалы и даже ее дно, он ждал от Литинститута не школярских разговоров о ямбах и хорях, а откровений о жизни, о душе человеческой... Ждал — и не дождался...”

Роберт Винонен вспоминает, как на студенческой вечеринке читали стихи по кругу... “Настал черед поэта-первокурсника, паренька из Вологды... И Рубцов прочитал “В горнице моей светло...”. Произошла некоторая заминка: больно уж все просто, даже наивно. Так и было сказано: мол, парень ты хороший, но поэзия — дело серьезное. Мы в космосе, а ты “матушка принесет воды”.

В горнице моей светло:
Это от ночной звезды.
Матушка возьмет ведро,
Молча принесет воды...

Красные цветы мои
В садике завяли все.
Лодка на речной мели
Скоро догниет совсем.
Дремлет на стене моей
Ивы кружевная тень,
Завтра у меня под ней
Будет хлопотливый день!

Буду поливать цветы,
Думать о своей судьбе,
Буду до ночной звезды
Лодку мастерить себе...

“В горнице”

Руководитель творческого семинара Николай Сидоренко, аттестуя Рубцова за второй курс, говорил: “Если вы спросите меня: на кого больше надежд, я отвечу: на Рубцова. Он — художник по организации его природы, поэт по призванию”.

В 1963 году Рубцов перевелся на заочное отделение и надолго исчез из Москвы. Он уехал в свое Никольское.

Из воспоминаний Сергея Викулова: “Он почти ничего не рассказывал о себе... Мы знали только, что где-то в деревне у него есть жена Гета, есть дочка... Забрать семью к себе он не мог... Некуда было...”

ПЕРВЫЙ ЧТЕЦ: Поэт Александр Романов писал: “Николай Рубцов! Стихи его настигают душу внезапно. Они не томятся в книгах, не ждут, когда на них задержится читающий взгляд, а, кажется, существуют в самом воздухе. Они, как ветер, как зелень и синева, возникли однажды из неба и земли и сами стали этой вечной синевой и зеленью...”

Здесь не только эмоции, здесь точно выражены свойства подлинной лирики, которая звучит, а не “читается”.

Ветер под окошками,
тихий, как мечтание,
А за огородами
в сумерках полей
Крики перепелок,
ранних звезд мерцание,
Ржание стреноженных
молодых коней.

К табуну
с уздечкою
выбегу из мрака я,

Самого горячего
выберу коня,
И по травам скошенным,
удилами звякая,
Конь в село соседнее
понесет меня.

Пусть ромашки встречные
от копыт сторонятся,
Вздрогнувшие ивы
брызгают росой, —

Для меня, как музыкой,
снова мир наполнится
Радостью свидания
с девушкой простой!

Все люблю без памяти
в деревенском стане я,
Будоражат сердце мне
в сумерках полей

Крики перепелок,
дальних звезд мерцание,
Ржание стреноженных
молодых коней...

“Деревенские ночи”

ВТОРОЙ ЧТЕЦ: О “братьях наших меньших” писали и пишут многие поэты. Писал о животных и Николай Рубцов. Каким чутким и одаренным человеком надо быть, чтобы так воспринимать природу, любить ее! Радоваться, когда ей хорошо, и страдать, когда она в беде!

Ласточка носится с криком.
Выпал птенец из гнезда.
Дети окрестные мигом
Все прибежали сюда.

Взял я осколок металла,
Вырыл могилку птенцу,
Ласточка рядом летала,
Словно не веря концу.

Долго носилась, рыдая,
Над мезонином своим...
Ласточка! Что ж ты, родная,
Плохо смотрела за ним?

“Ласточка”

А в тяжелые минуты, когда сознание одиночества и заброшенности мучило поэта, он стремился успокоить себя, слиться с природой.

Короткий день.
А вечер долгий.
И непременно перед сном

Весь ужас ночи за окном
Встают. Кладбищенские елки
Скрипят. Окно покрыто льдом.

Порой без мысли и без воли
Смотрю в оттаявший глазок
И вдруг очнусь — как дико в поле!
Как лес и грозен и высок!

Зачем же, как сторожевые,
На эти грозные леса
В упор глядят глаза живые,
Мои полночные глаза?

Зачем? Не знаю. Сердце стынет
В такую ночь. Но все равно
Мне хорошо в моей пустыне,
Не страшно мне, когда темно.

Я не один во всей вселенной.
Со мною книги, и гармонь,
И друг поэзии нетленной —
В печи березовый огонь...

"Зимовье на хutore"

ПЕРВЫЙ ЧТЕЦ: Трудно сейчас подсчитать, сколько месяцев Рубцов был профессиональным литератором. Он пытался зажить жизнью писателя, но ...

...Как будто
Ветер гнал меня по ней,
По всей земле — по селам и столицам!
Я сильным был,
Но ветер был сильней,
И я нигде не мог остановиться...

Литературовед Вадим Кожинов вспоминает: "Он был стойким и мужественным, но мог опустить руки из-за неудачи. Он часто мечтал о семейном уюте, о спокойной творческой работе и, в то же время, всегда оставался "скитальцем" по своей сути".

Лучшие строфы рождались в пути, вбирая в себя дорожные впечатления, а главное, ощущение внутренней раскованности, воли, которой Рубцов дорожил больше всего.

Я уплыву на пароходе,
Потом поеду на подводе,
Потом верхом, потом пешком,
Пройду по волоку с мешком
И буду жить в своем народе.

Душевная неприютность заставляла его еще обостреннее чувствовать трагическую судьбу своей Родины, ее безвестных стариков и ее великих поэтов:

... Версты все потрясенной земли,
Все земные святыни и узы
Словно б нервной системой вошли
В своенравность есенинской музыки!

Это муза не прошлого дня.
С ней люблю, негодую и плачу,
Много значит она для меня,
Если сам я хоть что-нибудь значу.

ВТОРОЙ ЧТЕЦ: Николай Рубцов боготворил Россию, ее историю, ее природу, обычаи, верования. Тема памяти, связи времен и поколений особенно лирично звучит в стихотворении "Старая дорога".

Звучит стихотворение "Старая дорога".

ПЕРВЫЙ ЧТЕЦ: В 1964 году Рубцова исключили из института "за злоупотребление спиртными напитками и глумление над святынями". Пил он не больше других и глумиться над святынями не думал. Просто собрал с этажей портреты русских классиков, поставил у себя в комнате и беседовал с ними... Исключенный из института, он вернулся в Никольское, где когда-то сиротствовал в детском доме.

Поначалу исключение из института казалось Рубцову несущественной ошибкой, которую легко будет исправить осенью, когда вернутся из отпусков все преподаватели. Но в институте Рубцова не восстановили.

Несмотря на все свои буйства, он был застенчивым и каким-то очень гордым. Это только в стихах мог он закричать, словно от боли:

Я люблю судьбу свою,
Я бегу от помрачений!

А в жизни — нет. В жизни Рубцов никогда не позволял себе жаловаться. Даже если приходилось просить займы денег, он делал это мучительно трудно.

Из письма Рубцова Василию Елесину: "Дорогой Вася! Добрый день! Посылаю заметку о нашем фельдшере. Редактируй ее и сокращай, как хочешь (это не стихи), но только хоть что-нибудь из этой заметки надо бы напечатать. Так что, если найдешь это возможным, предложи, пожалуйста, заметку в газету.

Живу неплохо. Хожу в лес рубить дрова. Только щепки летят".

ВТОРОЙ ЧТЕЦ: За свою жизнь поэт поменял много профессий: он был слесарем-сборщиком, кочегаром, избачом, литконсультантом. За публикации своих стихов в районных газетах, а если повезет, в областных он получал гроши. "Были бы у меня средства, я никогда бы не печатал свои стихи..."

При жизни Николай Рубцов издал только четыре тоненьких книжечки, общим тиражом сорок три тысячи. После его смерти вышло более двадцати изданий, тираж давно перевалил за пять миллионов.

В конце 60-х годов жизнь поэта вроде бы наладилась. До 1968 года у Рубцова не было своего угла. Он писал: "Нет ничего... есть только любовь к одной избе..." Наконец он получил место в общежитии, в комнате, где жили еще двое мужчин.

В московских журналах готовились к публикации подборки его стихов, появились какие-то деньги, признание. В 1970 году выходит последнее прижизненное издание — книга стихов "Сосен шум". Рубцов "входил" в литературный круг.

Он много ездил и много повидал, но всегда возвращался в родные места в поисках подлинных "труда, покоя..."

Поэт в одном из писем говорит о Никольском: "...здесь для души моей родина!" И еще чудесные

и очень важные слова: "...здесь мне легче дышится, легче пишется, легче ходится по земле..."

В этой деревне огни не погашены.
Ты мне тоску не пророчь!
Светлыми звездами нежно украшена
Тихая зимняя ночь.

Светятся, тихие, светятся, чудные,
Слышится шум полыньи...
Были пути мои трудные, трудные.
Где ж вы, печали мои?

Скромная девушка мне улыбается,
Сам я улыбчив и рад!
Трудное, трудное — все забывается,
Светлые звезды горят!

Кто мне сказал, что во мгле заметеленной
Глохнет покинутый луг?
Кто мне сказал, что надежды потеряны?
Кто это выдумал, друг?

В этой деревне огни не погашены.
Ты мне тоску не пророчь!
Светлыми звездами нежно украшена
Тихая зимняя ночь...

"Зимняя песня"

ПЕРВЫЙ ЧТЕЦ: Сколько раз писали и говорили о родной деревне, о деревенской школе, о школьных годах! Но нужен был Рубцов, чтобы воспеть это единственное и незабываемое.

Звучит стихотворение "Тихая моя родина".

Да, всеми силами души любил Рубцов свою тихую родину, нашу общую Родину. Но как человек и поэт он многое не мог принять "на земле, не для всех родной". С его жизненным опытом, мировоззрением и пророческим даром ему было жить порой невыносимо тяжело, почти невозможно...

... Я в ту ночь позабыл
все хорошие вести,
Все призывы и звоны
из Кремлевских ворот.
Я в ту ночь полюбил
все тюремные песни,
Все запретные мысли,
весь гонимый народ.

ВТОРОЙ ЧТЕЦ: Николай Рубцов знал себе цену, почти всегда был уверен в значительности своего творчества. Он смело шел к тому, чтобы стать вровень с самыми признанными авторитетами.

Но я у Тютчева и Фета
Проверю искреннее слово,
Чтоб книгу Тютчева и Фета
Продолжить книгою Рубцова!..

Эти строки не были напечатаны при жизни поэта, но он их все-таки написал!

В прекрасном стихотворении с символическим названием "Русский огонек" Рубцов рассказал о себе как бы из будущего, представ в своих стихах перед потомками. По сути, это духовный, нравственный завет Рубцова:

... За все добро расплатимся добром,
За всю любовь расплатимся любовью...
Спасибо, скромный русский огонек,
За то, что ты в предчувствии тревожном
Горишь для тех, кто в поле бездорожном
От всех друзей отчаянно далек...

Прожив короткую, полную невзгод и лишений жизнь, в которой были и раннее сиротство, и бедность, и скитания, Николай Рубцов самые задушевные строки посвятил Родине.

ПЕРВЫЙ ЧТЕЦ:

.....
Привет, Россия — родина моя!
Сильнее бурь, сильнее всякой воли
Любовь к твоим овинам у жнивья,
Любовь к тебе, изба в лазурном поле.
За все хоромы я не отдаю
Свой низкий дом с крапивой под оконцем...
Как миротворно в горницу мою
По вечерам закатывалось солнце!

Как весь простор, небесный и земной,
Дышал в оконце счастьем и покоем,
И достопадной веял стариной,
И ликовал под ливнями и зноем!..

"Привет, Россия..."

ВТОРОЙ ЧТЕЦ: В 1967 году вышла книга "Звезда полей". С годами "Звезда полей" превратилась в большую и добрую неодинокую звезду, прославившую поэта.

Звезда полей во мгле заледенелой,
Остановившись, смотрит в полынью.
Уж на часах двенадцать прозвенело,
И сон окутал родину мою...

Звезда полей! В минуты потрясений
Я вспоминал, как тихо за холмом
Она горит над золотом осенним,
Она горит над зимним серебром...

Звезда полей горит, не угасая,
Для всех тревожных жителей земли,
Своим лучом приветливым касаясь
Всех городов, поднявшихся вдали.

Но только здесь, во мгле заледенелой,
Она восходит ярче и полней,
И счастлив я, пока на свете белом
Горит, горит звезда моих полей...

"Звезда полей"

Рубцов "всегда жил трудно и больно. Даже не жил, а скорее, продирался сквозь равнодушие жизни и порою пытался докричаться до собеседников, но его не слышали, не хотели слышать, и тогда он снимался с тормозов.

Звучит стихотворение "Поезд".

ПЕРВЫЙ ЧТЕЦ: Многие чувствовали, что Рубцов приближается к трагедии. Накануне 1971 года поэт получил от близкого человека такую открытку: "Поздравляю с Но-

вым годом! Желаю... Береги голову, пока не поздно!..” Это было одно из предупреждений, добрый совет. Но Рубцов уже не слышал, он летел к своему концу.

Если умру — по мне
Не зажигай огня!
Весть передай родине
И посети меня.

Где я зарыт, спроси
Жителей дальних мест,
Каждому на Руси
Памятник — добрый крест!

Поэт всегда много писал о смерти, но так, как в последние месяцы, — никогда. Он как бы предсказал свою смерть.

ВТОРОЙ ЧТЕЦ:

Я умру в крещенские морозы.
Я умру, когда трещат березы.
А весною ужас будет полным:
На погост речные хлынут волны!
Из моей затопленной могилы
Гроб всплывет, забытый и унылый,
Разобьется с треском, и в потемки
Уплывут ужасные обломки.
Сам не знаю, что это такое...
Я не верю вечности покоя.

“Я умру в крещенские морозы...”

ПЕРВЫЙ ЧТЕЦ: Так и вышло. Та крещенская ночь, глухая и дикая... она настала! Он погиб 19 января 1971 года. Его убила женщина. Эта трагическая любовь двух поэтов — Николая Рубцова и Людмилы Дербиной, наверное, будет еще долго будоражить умы...

И чем дальше в прошлое уходит та крещенская ночь, тем больше стремление понять, почему их встреча была роковой.

ВТОРОЙ ЧТЕЦ: “Человеческая жизнь у всех начинается одинаково, а кончается по-разному. И есть странная горькая традиция в кончине многих больших русских поэтов. Все великие певцы уходили из жизни рано и, как правило, не по своей воле...” — сказал Виктор Астафьев.

Замерзают мои георгины.
И последние ночи близки.
И на комыя желтеющей глины
За ограду летят лепестки...

Нет, меня не порадует — что ты! —
Одинокая странствий звезда.
Пролетели мои самолеты,
Просвистели мои поезда.

ПЕРВЫЙ ЧТЕЦ: Виктор Астафьев весной 1971 года вспоминал на страницах журнала “Наш современник”: “В день сороковин поэта его друзья и земляки собрались на кладбище. Под дощатой пирамидкой глубоко и тихо спал поэт, который так пронзительно умел любить свою землю и высоко петь о ней, а вот своей жизнью совсем не дорожил. Кладбище, где он лежит, — новое, еще недавно тут был пустырь, нет здесь зелени и деревья еще не выросли, на крестах сидят многочисленные нахохленные вороны. Возле стандартных пирамидок позванивают железными листь-

ями стандартные венки, а кругом горят–переливаются голубые снега, светит уже на весну подобревшее солнце, и не верится, не хочется верить, что нет его с нами и никогда уже не будет и мы не услышим его прекрасную, только до половины спетую песню. И хочется спросить словами Василия Белова: “Коля, где ты есть–то?” Разговоры о том, что поэты уходят, а стихи остаются, мало утешают. Настоящего поэта никто не сможет заменить на земле...”

До конца,
До тихого креста
Пусть душа
Останется чиста!

Перед этой
Желтой, захоластной
Стороной березовой
Моей,
Перед жнивой
Пасмурной и грустной
В дни осенних
Горестных дождей,
Перед этим
Строгим сельсоветом,
Перед этим
Стадом у моста,
Перед всем
Старинным белым светом
Я клянусь:
Душа моя чиста.

Пусть она
Останется чиста
До конца,
До смертного креста!

“До конца”

ВТОРОЙ ЧТЕЦ: В 1973 году на могиле Рубцова поставили надгробье — мраморную плиту с барельефом поэта. Внизу по мрамору бежит строчка из его стихов: “Россия, Русь! Храни себя, храни!” — которая звучит, словно последнее завещание Рубцова этой несчастной и бесконечно любимой стране, что не бережет ни своих гениев, ни саму себя...

Отложу свою скудную пищу
И отправлюсь на вечный покой.
Пусть меня еще любят и ищут
Над моей одинокой рекой.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Белков В. Повесть о Вологде. Вологда, 1991. **Белков В.** Одинокая звезда. М., 1989. **Рубцов Н.** Видение на холме. М., 1990. **Оботуров В.** Степень родства, или О традициях, творящих поэтический облик современности. М., 1977. **День поэзии.** М., 1981. **Огонь,** мерцающий в сосуде. М., 1986. **Кожин В.** Статьи о современной литературе. М., 1990. **Страницы современной лирики.** М., 1983.

Т. САЗОНОВА,
заведующая библиотекой
медицинского училища
г. Крпоткина
Краснодарского края